

✦ Вопросы теории и методологии

UDC 316.42

DOI: 10.30936/1606_951X_2022_24_3_4_81_107

В.В. ЩЕРБИНА

О ПРОБЛЕМАХ, ВОЗНИКАЮЩИХ В СВЯЗИ С ПОПЫТКАМИ РАДИКАЛЬНЫХ И МАСШТАБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕ И ДРУГИХ СЛОЖНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

***Аннотация:** Статья написана в рамках той проблематики, которую обычно связывают с теорией и практикой социальных изменений. В статье ставится вопрос о необходимости, основаниях, условиях и возможности формирования такой теории, опора на которую давала бы социальным практикам возможность существенно снижать риски от реализации осознанно инициированных и направляемых ими проектов радикальных и масштабных социальных изменений. Последние, будучи социальными инновациями, всегда порождают неопределенность в тех социальных образованиях, где они осуществляются, но наиболее серьезную угрозу для социума они создают тогда, когда осуществляются в крупных, сложных по структуре и функциям и культурно неоднородных социальных образованиях, сформированных на механической основе.*

Здесь (как показывает опыт) изменения такого типа практически всегда ведут к социальной деградации, а иногда и к распаду таких образований как социальных целостностей. Апеллируя к сформированному им ранее тезису о необходимости дозирования социальных изменений (в привязке к разным типам социальных образований), автор достаточно подробно описывает этапы формирования своей концепции социальных изменений, которую после эмпиричес-

Щербина Вячеслав Вячеславович – доктор социологических наук, профессор. Официальный эксперт-партнер Национальной гильдии профессиональных консультантов (НГПК). E-mail: sherbina.vyacheslav@mail.ru.

кой проверки и коррекции он считает возможным превратить в теоретическую модель, ориентированную на задачи, возникающие в социальной практике.

Abstract: *The paper is written in terms of those issues that are usually connected with theory and practice of social change. It raises the question on necessity, grounds, conditions and possibilities of formulating such theory that could serve as a support for social practitioners in their efforts to reduce significantly the risks from realization of their consciously initiated and directed projects of radical and large-scale social change. The last, as being social innovations, always produce uncertainty in those social formations in which they are realized, but the most serious danger to society is generated by them when they are conducted in large-scale, structurally and functionally complicated and culturally heterogeneous social formations built on mechanical grounds.*

Here (as indicated by experience) the change of such type leads practically always to social degradation and sometimes to decomposition of such formations as social wholes. Appealing to his thesis of the necessity of dosing social change (in application to various types of social formations) formulated earlier, the author presents in sufficient detail the major steps in formulating his own conception of social change that he finds possible to transform, after empirical validation and correction, into theoretical model oriented to tasks of social practice.

Ключевые слова: *социальная теория, социальная практика, социальный порядок, тип социального порядка, социальная предсказуемость, неопределенность, социальные образования, социальное окружение, дуальная схема социальной регуляции, социальное воспроизводство, социальные изменения, две версии социального развития, осознанно инициированные и направляемые социальные изменения, социально-инновационные процессы, культура социальных образований, естественный отбор культурных образцов.*

Keywords: *social theory, social practice, social order, type of social order, social predictability, uncertainty, social formations, social environment, dual scheme of social regulation, social reproduction, social change, two versions of social development, consciously initiated and directed social change, social-innovative processes, culture of social formations, natural selection of cultural patterns.*

Постановка проблемы. Эта статья написана в рамках той проблематики, которую обычно связывают с теорией и практикой социальных изменений. Её написание было связано с попыткой автора ответить на следующий вопрос: возможно ли в принципе (и если да, то на какой основе) создание такой теоретической модели и методологии социального развития, которая бы обеспечила социальным практикам возможность существенно снизить риски, возникающие в связи с осознанно инициированными и направляемыми масштабными социальными изменениями [24], осуществляемыми в крупных и сложных по структуре социальных образованиях? Ответ на этот вопрос особенно важен в привязке к ситуации, когда попытки таких изменений осуществляются в рамках общества, существующего внутри государства, а также в социальных системах, возникающих в системе межгосударственных взаимодействий, в той логике, кото-

рую я определил как осознанно инициированные и направляемые социальные изменения (далее – СИ).

Значимость этой проблемы, на мой взгляд, обусловлена тем, что попытки осуществления таких изменений время от времени предпринимаются социальными практиками во многих странах мира (в т.ч. и в нашей); при этом определенная часть политиков и управленцев высшего эшелона проявляет достаточно высокую готовность к проведению таких изменений. Следует признать и то, что эта готовность, как правило, связана со стремлением социальных практиков: а) изменить сложившиеся способы и условия социальных взаимодействий; б) ускорить процессы или условия протекания социально-экономического и социокультурного развития своей страны.

При этом при разработке *таких* проектов обычно в голову не берется факт, что а) обозначенные процессы фиксируются историками в Европе начиная с XVII в. (а в странах, лежащих за её пределами, с конца XIX – начала XX вв.), б) а изменения такого типа (независимо от того, где, когда и под какими лозунгами их пытаются осуществить) практически всегда ведут: 1) к существенной деформации социальных отношений, а иногда и к разрушению обществ как социальных целостностей; 2) к длительным социальным кризисам, надолго отбрасывающим страну, осуществлявшую эти изменения (или её осколки), далеко назад, за ту условную черту социального развития, на которой она находилась до их начала; 3) к тому, что эти изменения надолго (а иногда и навсегда) снимают с повестки дня саму задачу ранее намеченных социальных изменений в этой стране.

Считаю важным отметить, что и постановка проблемы и задач, обозначенная в начале статьи, и попытка их решения были для меня во многом связаны с осознанием проблемы, которую я связал с типом осознанно инициированных и направляемых социальных изменений и сформулировал как проблему необходимости дозирования масштаба и темпов социальных изменений [54; 56], о чем я подробнее скажу дальше.

Фиксация логики протекания процессов перестройки и попытки прогнозирования её итогов как отправная точка для формулирования тезиса о необходимости дозирования масштаба и темпов осознанно инициированных и направляемых социальных изменений. Хотя процессы, обозначенные мною выше как процессы осознанно инициированных и направляемых социальных изменений, реализуемые в сложных по структуре и функциям социальных образованиях (в т.ч. в масштабе общества), не являются чем-то уникальным и типичным только для нашей страны [23; 35, 220-294; 36; 53], сразу же отмечу, что отправной точкой, стимулировавшей меня на написание этой статьи, стали процессы, происходившие именно с нашей страной. Интерес к этой проблеме впервые возник у меня в связи с наблюдением за протеканием той версии процессов осознанно направляемых масштабных социальных изменений, которые получили в нашей истории название процессов перестройки и постперестройки.

Речь изначально шла о процессе масштабных социальных изменений, инициированных и направляемых группой политиков и управленцев, обладавших в тот период в стране, именуемой тогда СССР, реальной властью. Близкие мне по возрасту коллеги, видимо, помнят, что первый этап этого процесса – «перестройка» – протекал с 1985 г. по конец 1991 г. и был вызван к жизни стремлением реформаторов быстро решить задачу преодоления кризисного и застойного состояния нашего общества за счет ускорения процесса социально-политического и экономического развития, задачу, которую планировалось осуществить в логике догоняющей модернизации.

Сам проект масштабных социальных и экономических реформ, лежавший в основе этого процесса, был сформирован в логике целерациональности; это изначально предполагало задание ряда ориентиров социальных изменений (избирательно заимствованных из другой реальности), достижение которых, по мысли инициаторов, должно было обеспечить процессы социального развития общества. В этой логике именно степень близости реальных итогов изменений к изначально заданным ориентирам должна была служить критерием успешности реализации данной программы. Отправной же точкой для понимания того, к чему в реальности вели эти преобразования, для меня стали мои наблюдения за логикой протекания и первыми итогами этого процесса, которые я сравнивал с исходными ориентирами.

Коллеги старшего поколения (вне зависимости от их отношения к происходившим тогда в стране преобразованиям), видимо, помнят, что инициированные руководством страны процессы, по факту, осуществлялись в логике вестернизации, гуманизации социальных отношений и догоняющей социальной и экономической модернизации. Они шли под лозунгами: а) ускорения социального, политического и экономического развития общества; б) повышения открытости общества и того, что тогда именовалось гласностью; в) демократизации социальных отношений и ориентации на самоорганизацию во всех сферах жизнедеятельности общества; г) освобождения граждан страны от избыточной регламентации поведения и излишних социальных ограничений со стороны государства, которые рассматривались как мешающие социально-экономическому развитию общества.

На практике реальные итоги реализации этих проектов в очень слабой степени соответствовали их изначально заданным целевым ориентирам и тем более ожиданиям инициаторов. Реализация проекта сопровождалась появлением и нарастанием непредвиденных и деструктивных проблем, затрудняющих нормальное функционирование социума. Важно и то, что степень рассогласования между ориентирами и реальностью увеличивалась по мере возрастания скорости и масштаба осуществляемых изменений, чтократно увеличивало степень неопределенности и непредсказуемости в сфере социальных взаимодействий.

Первые попытки осознания необходимости дозирования масштаба и темпа социальных изменений. Отмечу, что проблему, которую я позже определил (будучи историком по базовому образованию и практикующим социоло-

гом, опиравшимся в работе преимущественно на положения социологии организаций) как *проблему дозирования масштаба и темпов направленных социальных изменений*, я начал осознавать именно в процессе перестройки, причем на достаточно поздней стадии её протекания, где-то на рубеже 1987-1988 гг., когда реальные итоги этого процесса были уже достаточно очевидны и наглядны. Должен сразу отметить и то, что осознание мною логики протекания этих процессов шло тогда в значительной степени на интуитивной основе.

Именно тогда я начал фиксировать факт неготовности населения к происходящим изменениям и связывать наблюдаемые непредвиденные эффекты от этих процессов с размытием сложившихся правил, поддерживающих социальный порядок (далее – СП), и ослаблением процессов социальной регуляции в обществе. Это порождало непредсказуемость и в экономике, и в политике, и в сфере собственно социальных отношений, деформируя социум. По факту, речь шла о том, что высокая скорость и большой объем одновременно совершаемых социальных инноваций проявляли себя прежде всего в изменении правил, регулирующих социальные взаимодействия (далее – СВ), и в появлении всё новых, не опробованных населением страны, способов социальной регуляции. Объем последних, по факту, превышал возможность граждан к ним приспособиться, что и порождало социальный хаос.

Основанием же для фиксации мною проблемы, которую я позже обозначил как проблему необходимости дозирования масштаба и темпов социальных изменений (далее – СИ), стало: а) поэтапное нарастающее несоответствие фактических итогов преобразований тем исходным ориентирам, которые были заданы политиками, инициировавшими изменения; б) размытие сложившейся ценностно-нормативной системы, ослабление внешнего контроля, попытка пересмотра правил, регулирующих социальные отношения, общее ослабление социальной регуляции; в) поэтапное снижение уровня СП в обществе и предсказуемости социальных взаимодействий во всех сферах социальной жизни; г) увеличение объема дисфункций и социальных патологий, что создавало проблемы для функционирования общества как сложной социальной целостности.

В это время я впервые стал задавать себе вопросы о том: а) насколько заданные цели социальных реформ реалистичны; б) насколько наблюдаемые мною процессы соответствуют изначально заданным целевым ориентирам; в) к каким побочным социальным эффектам приводят и к каким могут привести попытки реализации проектов социальных изменений, осуществляемых в масштабе всего общества; г) как связаны масштабные инновационные по содержанию СИ с процессами разрушения СП; д) чем может кончиться нарастание социального хаоса для самого существования нашей многонациональной страны, если целевые ориентиры проекта социальных изменений (его ориентиры, логика и темпы) не будут скорректированы?

Именно тогда, смутно и зачастую на уровне интуиции, я начал фиксировать: а) что не столько заданные социальные ориентиры, сколько высокие темпы социальных изменений и их масштаб являются главным фактором, который стимулирует деструктивные процессы и способствует разрушению тех структур общества, в которых они осуществляются; б) что реальные итоги инициированных масштабных социальных изменений, по факту, имеют весьма отдаленное отношение к тем целевым ориентирам, которые изначально были заданы их инициаторами.

Будучи свидетелем происходящего, я с удивлением и волнением наблюдал за итогами инициированного руководством страны масштабных преобразований, связывая их: а) с поэтапным ослаблением социального контроля и социальной регуляции со стороны государства, снижением уровня СП, размыванием той идеолого-религиозной основы функционирования этого общества (марксизма-ленинизма), которая в течение долгого времени обеспечивала необходимый уровень ценностно-нормативного единства и саморегуляции граждан; б) со снижением уровня предсказуемости поведения тех, кто включен в партнерские отношения.

Именно в этот период я впервые для себя зафиксировал то, что, во-первых, именно высокие темпы социальных изменений в обществе и их масштаб, а не их ориентиры, являлись главным фактором, стимулирующим разрушение общества как очень сложного и неоднородного по структуре социального образования; во-вторых, что масштабные и радикальные СИ, даже давшие положительный эффект в другом социуме, должны рассматриваться как радикальные социальные инновации, порождающие в любой сфере социальных отношений высокий уровень непредсказуемости и неопределенности; в-третьих, что именно эта инновационность масштабных социальных перемен, итогом которой становится ситуация, порождающая неопределенность (и непредсказуемость) поведения партнеров, стимулирует распад в сложных по структуре, многоуровневых и неоднородных по составу социальных образованиях.

Итак, к концу 1980-х гг. для меня стало очевидным: 1) что процесс наблюдаемых социальных изменений сопровождался неуклонным и поэтапным снижением уровня социального контроля за поведением граждан со стороны государства; 2) что этому сопутствовало поэтапное размывание той идеолого-религиозной основы (в данном случае марксизма-ленинизма), которая на протяжении многих лет обеспечивала то, что мы обычно именуем ценностно-нормативным единством общества; 3) что эти процессы сопровождалось поэтапным ослаблением уровня СП в обществе как основы для сохранения его как социальной целостности; 4) что наблюдаемые процессы поэтапно деформировали сложившуюся логику устойчивых социальных взаимодействий в обществе, порождая то, что сегодня принято именовать неопределенностью и ростом непредсказуемости поведения партнеров по взаимодействиям; 5) что все это делало вероятной перспективу распада большой, сложной по структуре и функциям многонациональной страны и, со-

ответственно, обрамляющего её государства (органа, обеспечивающего поддержание необходимого для воспроизводства и развития общества уровня социальной регуляции), именуемого Советским Союзом.

Именно в этот период я начал рассматривать перспективу распада страны как один из вероятных итогов перестройки, по факту ожидая корректировки курса со стороны тех, кто инициировал и направлял этот процесс. К рубежу же 1989-1990 гг. возможность распада страны в моих глазах превратилась во вполне логичный, ожидаемый и гораздо более вероятный исход этого процесса [58].

К рубежу 1980-1990-х гг. деструктивные и центробежные процессы в стране проявлялись уже очень ярко. Они наблюдались в ослаблении СП, в снижении роли государства как главного социального регулятора, в тенденции к обособлению и отделению от СССР республик, в него входящих. Важно было и то, что процессы перестройки, будучи процессами изменений, осуществляемых в большом масштабе и несущих в себе большой объем социальных инноваций, сопровождалась нарастанием неопределенности во всех сферах социальных взаимодействий и поэтапным снижением уровня СП в стране, что предопределяло перспективы её распада.

Прогнозы и предсказания, касающиеся итогов перестройки и некоторых характеристик того процесса, который позже назовут постперестройкой.

Соотнесение итогов наблюдаемых процессов с исходными ориентирами социальных изменений позволило мне к концу 1980-х гг.: во-первых, предсказать высокую вероятность распада страны, именуемой СССР; во-вторых, предположить, что процесс возрождения страны (или любого из её обломков) обязательно должен быть связан с резким усилением уровня социального контроля и повышением СП.

В соответствии со сказанным, к началу 1990 г. я:

– во-первых, начал рассматривать перспективу распада страны как вполне вероятный и логичный итог перестройки, а саму перестройку начал понимать как попытку реализации частью политической и управленческой элиты страны проекта масштабных осознанно инициированных социальных изменений, направленных на ускорение процессов социально-экономического развития страны;

– во-вторых, зафиксировал для себя тот факт, что данный проект социальных изменений может быть рассмотрен как попытка осуществления серии инициированных и направляемых скоординированных масштабных социальных инноваций;

– в-третьих, отметил для себя, что внедрение таких проектов в масштабе государства всегда сопровождается размыванием единой ценностно-нормативной системы регуляции социальных отношений, падением роли государства, ослаблением социального контроля с его стороны за поведением граждан;

– в-четвертых, зафиксировал, что эти процессы, порождая непредсказуемость и неопределенность в сфере социальных отношений, могут с до-

статочной высокой степенью вероятностью привести к деформации (или даже распаду) общества как сложной социальной целостности [58];

– в-пятых, будучи историком по базовому образованию, а) зафиксировал для себя факт сходства в логике протекания и содержания наблюдаемых процессов с процессами, начало которых было положено в период с февраля по ноябрь 1917 г.; б) предположил вытекающее отсюда сходство итогов этого процесса и спрогнозировал распад страны, тогда именовавшейся СССР; в) попытался предсказать, как должен будет измениться проводимый политиками-инноваторами курс после ослабления или распада страны;

– в-шестых, опираясь на представление о сходстве двух обозначенных процессов и фиксируя, что события, происходившие после ноября 1917 г., по факту были реакцией других политиков (в т.ч. большевиков, которые тоже приложили руку к деструктивным процессам) на фактические итоги Февральской революции (итогом чего стал распад государства и общества), задолго до начала тех процессов, которые позже назвали «постперестройкой», предсказал, что направленность процессов СИ во второй фазе будет связана с преодолением проблем, порожденных итогами первой фазы. К сожалению, говоря о двухфазовости рассматриваемых процессов, я тогда ещё не знал, что задолго до меня к сходным выводам пришел П.А. Сорокин, сравнивая логику протекания процессов и масштабных социальных изменений в России со сходными процессами, наблюдавшимися историками в странах Европы (Британии, Франции, Германии) в период с XVII по XX в. [35, 202-265];

– в-седьмых, опираясь на процессы, протекавшие в нашей стране после Октябрьской революции, выдвинул предположение, что во второй фазе изменений (фазе после развала или деструкции социума) те, кто попытается возродить общество (хотя бы частично), обязательно должны будут решать задачу восстановления и укрепления разрушенного СП и усиления роли государства, без чего реанимация и, тем более, развитие общества невозможны;

– в-восьмых, сделал вывод о том, что решение задачи укрепления СП предполагает: а) усиление социально-регулятивной функции государства, б) усиление внешнего контроля с его стороны за поведением граждан; в) активное использование государством репрессивных мер (что было особенно важно в условиях резкого снижения внутреннего контроля граждан, связанного с ослаблением религии и старой идеологии); г) что все это обязательно поставит перед руководством страны задачу создания в перспективе новой идеолого-религиозной схемы, без чего невозможно решить (хотя бы частично) задачу возрождения общества как социальной целостности.

К началу 1990-х гг. для меня было очевидно, что по своей направленности, содержанию и итогам перестройка очень похожа на те процессы, которые протекали в России с февраля по ноябрь 1917 г. и позже. На

основе фиксации этого сходства все более очевидным для меня становился и ответ на вопрос о том, чем должны кончиться эти изменения и что может быть основой для возрождения разрушенного общества (или его части) и государства. Единственным основанием для возрождения общества мне виделось радикальное усиление СП, что в таких условиях могло быть обеспечено только усилением контроля со стороны государства, уменьшением объема личностных свобод, формированием и внедрением новой религии (или квазирелигии).

Именно тогда, опираясь на эти представления, я подготовил и отослал в академический журнал статью, в которой попытался показать сходство процессов, протекавших в 1917 г., с теми, которые происходили в период перестройки. В ней я дал ряд прогнозов вероятных итогов перестройки, а также дальнейшего развития событий в стране на ближайшую перспективу. Прележав в редакции академического журнала полтора года, эта статья все же была опубликована за шесть месяцев до официального объявления того, что государство, именуемое СССР, уже перестало существовать [55].

Тезис о необходимости дозирования направляемых социальных изменений как предопределивший возможность решения заявленных задач. Теперь я считаю необходимым напомнить, что и сама возможность постановки решаемых в статье задач, и тем более возможность их решения были для меня напрямую связаны с формулированием другой проблемы – той, которую я позже обозначил как проблему необходимости дозирования направляемых социальных изменений. Последнюю я связал с возможностью снижения рисков от осуществления осознанно инициированных радикальных и масштабных социальных изменений в крупных, сложных по структуре и функциям социальных образованиях, построенных по механическому признаку. Как я уже говорил, я начал осознавать эту проблему в конце 1980-х гг., но более четко сформулировал её для себя гораздо позже, на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в.

Необходимо отметить и то, что к формулированию этого тезиса я пришел в попытке ответить на ряд вопросов, далеких от темы, заявленной в начале этой статьи. В более или менее отчетливой форме я сформулировал тезис о необходимости дозирования социальных изменений в серии статей, где речь шла: во-первых, о фиксации кризиса современной западной постпарсонсовской социологии, длящегося уже более 30 лет; во-вторых, о том, какие особенности парсонсовско-мертоновской версии этой науки сделали её полноценной социальной наукой, ориентированной на выход в социальную практику; в-третьих, о том, что привело к разрушению, казалось бы, очень прочного здания парсонсовско-мертоновской социологии. В-четвертых же, речь в них шла о том, а возможно ли в принципе – и если да, то как – вернуть современной социологии (я имею в виду не отечественную, а мировую социологию) тот утраченный ею статус полноценной социальной науки, которым она по факту обладала в течении почти 35-40 лет – с начала 1940-х и где-то до начала 1980-х гг. [54; 56].

В процессе решения этих задач мною была предпринята попытка: 1) оценить состояние современной постпарсонсовской социологии; 2) разобраться в достоинствах и недостатках той некогда стройной и мощной, но недостаточно гибкой версии этой науки, которая господствовала в мире в течение 40 лет и была сформирована усилиями Т. Парсонса и Р. Мертона [21; 29; 30]; 3) ответить на вопросы: а) что стало причиной разрушения (к началу 1980-х гг.) здания этой науки, выстроенного этими классиками; б) можно ли (и если да, то на какой основе) возродить здание социологии как полноценной социальной науки; в) насколько существенных, и каких, корректив исходной схемы это потребует?

При решении задач, связанных с оценкой состояния современной постпарсонсовской социологии, я опирался, с одной стороны, на факты, подтверждающие утрату современной социологией статуса полноценной социальной науки, а с другой стороны – на те представления о характеристиках современной социологии, которые нашли отражение в работах ученых, активно стимулировавших изменения, произошедшие с этой наукой, и тех ученых, которые сформировались в новых условиях. Из их текстов прямо вытекало, во-первых, то, что современная западная социология, пришедшая на смену парсонсовско-мертоновской социологии, утратила специфический предмет, проблематику и статус полноценной социальной науки [1; 5, 150-204; 13; 38; 51, 455-476].

Во-вторых, я зафиксировал в качестве основного достоинства разрушенной парсонсовско-мертоновской социологии то, что речь в ней шла о предметной социальной науке, в основе которой лежала теоретическая схема, построенная на дуалистическом принципе. Здесь а) в единой схеме совмещались субъективистские и объективистские теоретические представления о природе социальности [7, 145-543; 15]; б) акцент делался и на совершаемом социальными акторами субъективном выборе, и на объективных последствиях предпринятого социального действия для социума [29, 421-572; 22]; в) объектом изучения и сферой, в которой осуществлялись СИ, становились разнотипные социальные образования (локальные социальные общности и общество как крупная и гораздо более сложная социальная целостность, включающая эти общности в себя) [39], г) сама социология трактовалась и как социальная наука, опирающаяся на эмпирические исследования (и даже эксперименты) [27], и как наука, выстраивающая на этой основе свою специфическую теорию.

Важно и то, что в этой схеме занимала особое место проблема обеспечения СП. Её решение рассматривалось и как условие существования социума, и как предмет этой науки [28]. Средства же социальной регуляции (в привязке и к их источнику, и к объекту воздействия) трактовались как инструмент, обеспечивающий необходимый уровень СП. Именно поэтому эта версия социологии претендовала (и имела на то основания) на статус полноценной социальной науки, имеющей специфический объект, предмет, теорию, и претендовала на выход в социальную практику, который

обеспечивался введением представлений о теориях среднего уровня (в т.ч. социально-регулятивных), формируемых на основе зависимостей, выявленных в ходе эмпирических исследований [21, 78-81, 199-208].

Представление о причинах разрушения парсонсовско-мертоновской схемы социологии. Причину разрушения парсонсовско-мертоновской схемы этой науки я увидел в том, что её разработчики, поставив в центр проблему обеспечения СП, сделали акцент на его (порядка) воспроизводстве, опираясь на императив Парсонса. При этом в их схеме был проигнорирован другой, не менее важный императив, связанный с поэтапным изменением СП, что предписывал К. Маркс [20]. По моему мнению, именно ориентация Парсонса на воспроизводство СП, в противовес тезису о его перманентных изменениях, привела молодых западноевропейских обществоведов к постановке под сомнение, а позже и к разрушению парсонсовско-мертоновской модели социологии.

Отсутствие в их схеме императива поэтапного изменения, по факту, и привело к тому, что в период с конца 1960-х и до начала 1980-х (эпоха активизации новых левых в Западной Европе) возникла мощная оппозиция консервативному подходу Парсонса со стороны студентов и молодых ученых левой ориентации (в основном европейцев), сформировавшихся как ученые в процессе и после Парижских событий 1968 г. Они опирались в этом вопросе на позицию Маркса, хотя интерпретировали её очень своеобразно, в духе философии Франкфуртской школы [17; 38].

На мой взгляд, именно попытка заменить императив, ориентирующий на задачу воспроизводства СП, другим императивом, ориентирующим на востребованные субъектом перманентные СИ, и привела к разрушению на Западе того основания науки социологии, которое сочетало субъективистский взгляд на природу социальности с объективистским [54].

Одним из главных итогов разрушения западной социологии стали процессы субъективизации социальных отношений в социальных науках (в том числе и социологии) и практическое исчезновение из понятийного аппарата западной социологии представлений о теориях среднего уровня, без чего обоснованный выход на задачи социальной практики был невозможен.

Выявление сходств и отличий теоретической схемы отечественной социологии от западной. Что же касается отечественной социологии, то она, будучи реанимированной в нашей стране на рубеже 1950-х – 1960-х гг. по инициативе тогдашнего партийно-политического руководства, с одной стороны, во многом копировала парсонсовско-мертоновские представления, а с другой – отличалась от них по ряду параметров. Отечественные (тогда советские) обществоведы, занятые реанимацией этой науки в нашей стране, в значительной мере позаимствовали парсонсовский взгляд на предмет и специфику социологии как науки, но не воспроизводили эту схему в полной мере [64, 11-18]. Они тоже начали рассматривать социологию как одну из многих социальных наук, сделав объектом её изучения социальные общности, а её предметом – проблему обеспечения СП. Они разделяли

точку зрения американцев на значимость того, какую роль играют в развитии этой науки «теории среднего уровня», в т.ч. специальные социолого-регулятивные теории [21, 188-230].

Однако представления о том, какие аспекты СП должны быть рассмотрены социологами, а также представления о перечне социолого-регулятивных теорий в советской социологии радикально отличались от американских. Если в США (откуда к нам пришел описываемый взгляд на специфику социологии как науки), а также в странах Западной Европы, возникла только одна специальная социолого-регулятивная теория, социология организаций, то в нашей стране, где марксизм был не только наукой, но и (до начала 1992 г.) господствующей идеологией, их было две: 1) социология организаций (СО), ориентирующая исследователей на проблему воспроизводства СП; 2) социология управления (СУ) – специальная социально-регулятивная теория, ориентирующая на проблему изменения СП. Именно это и предопределило различия в процессах изменения статуса социологии и трактовке её предмета в период с рубежа 1980-х – 1990-х гг. и по сей день, с одной стороны, в США и странах Запада, а, с другой стороны – в нашей стране (считаю необходимым напомнить, что на Западе и в СССР эти процессы стимулировались разными факторами).

В отличие от западной (парсонсовско-мертоновской) модели социологии, отечественная модель этой науки, тоже трактующая её как полноценную социальную науку, изначально строилась на принципе дуальности. В её рамках оба социально-регулятивных императива практически изначально сосуществовали. СО ориентировала на задачу поддержания СП (Т. Парсонс, Р. Мертон), а СУ, апеллируя к тезису Маркса [20], – на задачу его изменения. Поэтапные изменения СП виделись как столь же важный фактор, обеспечивающий выживание и развитие социальных образований [31; 42].

В странах Запада отказ от императива, предписывающего поддержание СП, который был спровоцирован движением молодых ученых, увлеченных идеями 1968 г. и идеями новых левых, фактически привел к отказу от ориентации социологии на решение проблемы воспроизводства СП. Это в свою очередь привело: а) к фактической ликвидации социорегулятивных теорий среднего уровня в социологии, б) к тому, что социология перестала восприниматься как полноценная социальная наука.

Что же касается нашей страны, где произошли не меньшие СИ (ликвидация СССР, отказ от рассмотрения марксизма-ленинизма как единственно верного социального учения и др.), то здание социологии не претерпело здесь столь сильных разрушений, как на Западе. И статус социологии как полноценной социальной науки, и обе социально-регулятивные теории сохранились у нас по сей день, даже после того, как марксизм перестал быть в стране господствующей идеологией, а парсонсовско-мертоновская модель этой науки была отвергнута учеными Запада в качестве базовой. В то же время длительное сосуществование в отечественной социологии двух разноориентированных социальных императивов, связан-

ных с представлением о социальном порядке, создавало проблему размытости предметного фокуса, которую надо было решить.

Вопрос об определении предметного фокуса современной социологии. Предметным фокусом социологии как науки (если её представители действительно стремятся сохранить за ней статус полноценной науки) должна выступать так сформулированная проблема поддержания СП, где оба обозначенных социальных императива (на воспроизводство и на изменение СП) были бы сведены в одну точку.

В основу её решения я положил ранее сформулированный тезис о необходимости определения допустимых (с точки зрения сохранения целостности социальных образований) границ социальных изменений, в привязке к разнотипным образованиям [56]. Такое решение, будь оно получено, позволяло бы существенно снизить социальные риски от осуществляемых кем-то инициированных социальных изменений и выйти на решение проблемы, постоянно возникающей в сфере социальной практики. Я говорю о проблеме дозирования социальных изменений, представление о котором изначально было заложено в двойственности социальных императивов, типичных для отечественной социологии. Именно такое определение предмета социологии рассматривается мной как основа для возрождения социологией утраченного ею статуса полноценной социальной науки.

В соответствии со сказанным, я продолжаю рассматривать социологию как науку, где центральной проблемой (а, следовательно, и её предметным фокусом) является соотношение двух императивов, которое обеспечивало бы и воспроизводство правил, обеспечивающих стабилизацию СП, и поэтапное изменение этих правил, так что объем допустимых социальных изменений определялся бы тем, не является ли их итогом с высокой вероятностью разрушение социума.

В практическом плане речь шла о задаче эмпирической фиксации и обоснования допустимого уровня социальных изменений, при котором изменения не создавали бы реальной угрозы самому существованию тех социальных образований, в которых они происходят. Таким образом, вопрос об эффективности социальных изменений переносился с ориентиров этих изменений на то, в каком масштабе и в каких темпах они должны протекать, чтобы не создавать рисков для существования социума.

Такая постановка задачи ориентировала социолога на ограничение масштаба и введение лимитов на темпы социальных изменений, т.е. на нахождение ограничений для этих изменений, различающихся в зависимости от характеристик тех социальных образований, в которых они инициируются и протекают. Различие в определении таких лимитов я связываю с тем, насколько значимыми должны быть усилия, направленные на поддержание в социуме того уровня СП, который необходим: а) для сохранения этого типа социальной целостности; б) для минимизации рисков от деструктивных последствий социальных изменений. Главный вопрос: насколько должны быть минимизированы масштабы и темпы социальных

изменений как фактор, всегда провоцирующий неопределенность в социальных образованиях?

Решение этой задачи я рассматривал как шаг к созданию сначала исходной концепции, а в перспективе (после эмпирической проверки и коррекции некоторых её положений) и теории социальных изменений, которая могла бы стать основанием для деятельности социальных практиков. В привязке к повседневной социальной практике (что, на мой взгляд, и делало социологию 1940-1970-х гг. полноценной социальной наукой) речь шла о решении практической задачи – задачи, ориентированной на существенное снижение числа непредвиденных, неприятных и опасных для самого существования социальных образований последствий от масштабных изменений, осознанно инициированных и направляемых социальными практиками (политиками и управленцами).

Задачи, решаемые на новом этапе исследования, и проблемы, возникающие при решении этих задач. Хотя интерес к названной проблеме появился у меня давно, ещё в последней четверти 80-х гг. XX в., задача выйти на формирование основ такой теории социальных изменений была поставлена мною относительно недавно, уже после того, как я сформулировал для себя проблему дозирования социальных изменений.

Надежду на возможность создания такой теории вселяло то, что сама проблема как направленных, так и стихийно протекающих социальных изменений рассматривалась в социологии уже давно, и в рамках социальных наук сложился достаточно широкий перечень устойчиво воспроизводимых базовых терминов, с помощью которых описывались разные версии процессов социальных изменений (З. Бауман, М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Маркс, Ф. Энгельс, Р. Мертон, Т. Парсонс, К. Поппер, Г. Спенсер, П. Сорокин, П. Штомпка, Н.И. Лапин, Ж.Т. Тощенко, В.А. Ядов и др).

В то же время я фиксировал ряд серьезных препятствий, возникающих в связи с решением этой задачи.

Во-первых, хотя перечень базовых понятий, описывающих условия, логику протекания и последствия социальных изменений, в социологии действительно давно сложился, но: а) он был избыточно широк, б) понимание содержания базовых терминов и механизмов, обеспечивающих протекание соответствующих процессов, существенно различалось; в) различались также и представления о границах и условиях протекания этих процессов.

Во-вторых, речь шла о том, а) какой смысл следует вкладывать в термин «социальность», и может ли последняя быть рассмотрена вне привязки к разнотипным социальным образованиям (СОбр), б) как эти процессы связаны с поддержанием и изменением уровня СП, в) как это связано с проблемой дозирования социальных изменений, г) какие социальные процессы вообще могут быть определены как СИ, д) какие социальные изменения и на каком основании можно определить как позитивные социальные изменения (ПСИ) и что служит критерием позитивности; е) что

такое осознанно инициированные и направляемые социальные изменения (ОИиНСИ), ж) почему масштаб и темпы социальных изменений меняются в зависимости от разнотипных социальных образований?

В-третьих, передо мной встали вопросы: как следует понимать популярный у обществоведов термин «социальное развитие» (СР); возможно ли рассмотрение этого процесса вне привязки к разнотипным социальным образованиям; каковы критерии, признаки и механизмы протекания этого процесса; как термин «социальное развитие» связан с представлениями о: а) ПСИ, б) ОИиНСИ; как связаны процессы социальных изменений с социокультурными процессами, протекающими в СОбр; как и через какие элементы СОбр процессы СР соотносятся с расширением культурного репертуара данного образования, с процессами структурной дифференциации СОбр, а затем с процессом структурных обособлений; почему СИ следует рассматривать как социальную инновацию, и какие проблемы для сохранения социальности создают масштабные социальные инновации?

В-четвертых, решая вышеназванную задачу определения допустимых границ социальных изменений в привязке к специфике разнотипных и разномасштабных социальных образований, где такие изменения протекают, я был вынужден поставить и пытаться ответить на следующие вопросы: а) какие общие признаки характеризуют специфический тип образований, называемый здесь социальными образованиями (СОбр); б) какие типы СОбр сегодня известны и по каким основаниям они различаются; в) что отличает локальные СОбр, именуемые социальными общностями, от тотальных СОбр, т.е. более сложных социальных образований, которые со времен Ф. Тённиса именуется обществом (и на самом деле всегда существуют в рамках государств); г) как в этих образованиях решается проблема сохранения социальной целостности; д) что такое системы устойчивых социальных взаимодействий (СУСВ), как они различаются в этих образованиях и из кого формируются, принимая форму органа; е) чем обусловлены лимиты на СИ в этих образованиях?

При решении обозначенных задач я опирался, во-первых, на положения тех представителей макросоциологии, которые занимались процессами СИ, трактуя их как социокультурные процессы [3; 4; 26; 36; 40; 43; 49; 51, 455-476; 52]. Говоря о процессе организационного развития (ОР) как об одной из форм социальных изменений, я опирался на разработки прежде всего тех представителей социологии организаций, которые трактовали ОР как социальный и социокультурный процесс, переносящий механизмы и логику на процессы развития любых СОбр.

Во-вторых, я опирался также на работы тех представителей социологии организаций и экономической социологии, которые были связаны с проблематикой социальных инноваций [2; 8; 10; 11, 102-104; 19; 24; 32; 33], и тех представителей социологии и экономики организаций, которые описывали процессы организационных изменений с позиций организационной экологии [45; 47; 57; 59; 60; 61; 62; 66] .

Последние, работая с проблемами СР, трактуют его как процесс поэтапных позитивных социальных изменений, связывая его содержание с расширением социокультурного репертуара СОбр, а его механизмы – с процессом избирательного обмена образцами культуры с внешним окружением (т.е. с более широким СОбр) [33, 72-76; 34]. Важно и то, что этот процесс описывается здесь в логике естественного отбора и селекции социальных образцов, а в качестве основной проблемы его протекания берется проблема встраивания новых социокультурных образцов взаимодействия и деятельности в старый культурный контекст СОбр.

В итоге, к числу терминов, требующих уточнения, я отнес следующие: а) социальность, б) социальная предсказуемость; в) социальная неопределенность; г) социальный порядок (СП); д) социальные образования; е) локальные и тотальные социальные образования; ж) социальная регуляция; з) социальные общности; и) общество; к) социальное воспроизводство; л) социальные изменения (СИ); м) позитивные социальные изменения; н) социальное развитие; о) стихийные и проектные модели социального развития; п) инновационные процессы; р) культурное развитие социального образования.

Представления, положенные в основу формирования концепции дозирования социальных изменений в привязке к разнотипным социальным образованиям. Решая задачу формирования такой модели социальных изменений, которая снижала бы риски от процессов СИ, я опирался на концепцию дозирования социальных изменений, которую рассматривал: а) в привязке к разным типам социальных образований, б) с опорой на тот тип СИ, который обозначил выше как *осознанно инициированные и направляемые социальные изменения* (ОИиНСИ). При решении этой задачи я попытался уточнить содержания названных выше терминов, применяемых при построении объяснительных схем процессов СИ.

На этом этапе речь шла о создании исходной концепции, с перспективой (после эмпирической проверки её положений) получения теоретической модели СИ, которая могла бы быть использована социальными практиками (политиками и управленцами) для существенного снижения рисков непредвиденных, неприятных и деструктивных последствий от социальных изменений, осуществляемых в СОбр в логике ОИиНСИ.

При формировании данной концепции я предлагаю исходить из следующего.

1. Социальность следует рассматривать как то, без чего не могут возникнуть и функционировать никакие формы партнерских отношений. Эти отношения всегда являются итогом соединения либо разнородных видов деятельности, либо итогов обмена продуктами этих деятельностей, Они вытекают из неспособности людей (как особого биологического вида) выжить в одиночку в динамичном и агрессивном природном и социальном окружении.

2. Если опираться на Ф. Энгельса и современных этнографов, то социальность как способ обеспечения сотрудничества людей существовала уже

на ранних стадиях жизни людей как биологического вида. Она присутствовала уже в рамках родовой, а позже соседской общины и изначально: а) сложилась как итог половозрастной дифференциации видов и способов деятельности членов общины; б) предполагала задание четких ориентиров их деятельности и жесткую регламентацию поведения каждого с помощью правил; в) вытекала из представлений о различии социального статуса тех, кто осуществлял эти виды деятельности и дифференцированно делил её итоги, четко различая их обязанности и права; г) опиралась на контроль за соблюдением этих правил всеми участниками взаимодействия; д) наделяла некоторых авторитетных членов сообщества властными полномочиями, необходимыми для обеспечения контроля за соблюдением правил.

3. Отправной точкой и главной проблемой, связанной с формированием и развитием социальности (которую я изначально связываю с формированием разнотипных форм партнерских взаимодействий), является то, что условием её формирования и функционирования служит то, что можно определить как достижение необходимого уровня *предсказуемости поведения партнеров по СВ*. А решение этой проблемы всегда и напрямую связано с социальной упорядоченностью и стандартизацией поведения потенциальных партнеров по взаимодействию.

4. В этой логике формирование партнерских отношений в любой сфере всегда начинается с создания *системы устойчивых социальных взаимодействий (СУСВ)*. Я говорю о системе, которая формирует ориентиры поведения партнеров, вводя и поддерживая правила, обеспечивающие предсказуемость и упорядоченность поведения тех, кто готов или вынужден включаться в систему взаимодействий. СУСВ — это всегда искусственная система, и его формирование всегда есть продукт деятельности людей, наделенных лидерскими качествами и харизмой и изначально заинтересованных в создании одной из форм партнерских отношений.

5. Другим, не менее важным итогом описанного процесса является формирование на этой основе разнотипных и разномасштабных социальных целостностей, или социальных образований (СОбр), состоящих из тех, кто принял эти правила. Именно разнотипные СОбр являются фундаментом разнотипных партнерских отношений, построенных на взаимодополнении и возникающих либо в ходе совместной деятельности, либо в процессе обмена продуктами деятельности. И именно на этой основе в сфере социальной практики возникают разные сферы социальности (экономики, образования, медицины, науки, искусства и т.д.) и поэтапно формируются те достаточно сложно структурированные многоуровневые социальные образования, которые именуется социальными институтами [14; 16].

6. После формирования и начала функционирования СОбр (т.е. того, что, по моему мнению, и ассоциируется с социальностью) СУСВ становится обязательным элементом СОбр, выделяясь в нём в качестве особого органа, наделенного властью и осуществляющего контроль за поддержанием — а в случае нужды и изменением СП. На этот орган возлагаются

задачи: 1) формирования ориентиров поведения партнеров; 2) определения социальной позиции (статуса) каждого из партнеров в рамках указанных отношений; 3) создания и изменения правил, которые: а) задают и стандартизируют требования к каждому из партнеров по взаимодействию; б) регламентируют и стандартизируют поведение каждого из них; в) контролируют то, насколько соблюдаются партнерами эти правила. Именно этот орган наделяется системой средств контроля и социальной регуляции.

7. Поскольку процессы возникновения и функционирования СОбр (напрямую связанные с тем или иным типом партнерских отношений) предполагают поддержание определенного уровня предсказуемости и социальной упорядоченности поведения партнеров, а последняя обеспечивается через введение, укоренение и соблюдение правил, регулирующих эти взаимодействия, то под СОбр, в самом широком смысле, я буду понимать то социальное пространство, в рамках которого действуют правила, обеспечивающие социальную предсказуемость и социальную упорядоченность партнеров по взаимодействию.

8. Поскольку усилия по регламентации поведения участников взаимодействий, необходимые для формирования, поддержания и сохранения целостности любой устойчивой системы партнерских отношений, с одной стороны, всегда ограничивают вариативность поведения участников СУСВ (иначе говоря, их свободу), а, с другой стороны, именно и только они делают поведение партнеров взаимно предсказуемым, а существование СОбр возможным, то я буду рассматривать утрату этой свободы как цену, которую каждому потенциальному партнеру по взаимодействиям необходимо заплатить за включение в систему социальности. Платой за социальность всегда является ограничение вариативности форм поведения и свободы партнеров.

9. СОбр как образования, связанные с определенным типом социальности и определенным типом партнерских отношений, оказываются социальной инстанцией, в рамках которой накапливается, осмысливается и используется как позитивный, так и негативный коллективный опыт, который может быть определен как культура социальных образований. Именно с развитием культуры СОбр я связываю один из путей повышения уровня предсказуемости поведения партнеров и эффективности их совместной деятельности и взаимодействий.

10. Употребляя термин «социальный порядок» (СП), я считаю необходимым рассматривать его как важную характеристику СОбр. Я связываю его содержание в первую очередь с представлением о достижении в СОбр *необходимого уровня упорядоченности социальных отношений* (НУУСО). В то же время, кроме последнего, я считаю необходимым вписать в представление о СП и представления о *типе СП*; сюда я предлагаю включить показатель, фиксирующий, какими социорегулятивными средствами достигается этот уровень упорядоченности.

11. Тип СП в любых СОбр надо рассматривать как продукт двух типов регулятивных воздействий, присутствующих в разных соотношениях. Речь

идет, во-первых, о применении по отношению к участникам взаимодействий внешних силовых (или репрессивных) форм воздействий, а во-вторых – о применении регулятивных воздействий, апеллирующих к тем механизмам саморегуляции каждого из партнеров, которые являются продуктом развития и усвоения партнерами культуры, выработанной в рамках СОбр [44]. Соотношение этих факторов я буду далее рассматривать как подвижное. Оно меняется, во-первых, в зависимости от типа СОбр, в рамках которых устанавливаются правила, регулирующие взаимодействия, а во-вторых – в зависимости от того, на какой стадии социокультурного развития СОбр находятся.

12. Решение задачи обеспечения определенного уровня СП в современном мире происходит в условиях постоянного изменения характеристик внешнего окружения. Даже проблема сохранения СОбр как социальной целостности (не говоря уже о задаче повышения его жизнеспособности) – это острая проблема, требующая изменений в способах поддержания СП. Исходя из этого, во-первых, я буду рассматривать СИ как процессы, постоянно наблюдаемые именно в рамках СОбр; во-вторых, поскольку исходные ориентиры любых СИ обычно очень слабо связаны с их итогами, к их числу я буду относить *только те социальные процессы, которые в реальности ведут к изменению уровня или типа СП.*

13. Задача определения допустимой меры СИ будет бессмысленной, если не привязать её к определенному типу социальных образований (СОбр). Под СОбр, напомним, я понимаю *любые социальные целостности, в границах которых формируются и действуют правила, регулирующие СВ, и возникают устойчивые формы партнерских отношений.* Именно возникновение и развитие СОбр служит фундаментом для развития любых форм существования социальности: во-первых, именно в их рамках обретает смысл и значимость система устойчивых социальных взаимодействий (СУСВ); во-вторых, в ходе коллективных обсуждений в них вырабатываются, осмысляются и усваиваются как (1) успешные способы обеспечения социальных взаимодействий, так и (2) возникающие на этом поприще неудачи, которые принято сегодня обозначать как «социальные травмы» [3; 4; 26; 40; 43; 49; 52], т.е. в культуре СОбр закрепляется и позитивный, и негативный опыт.

14. СУСВ я рассматриваю как обязательный и очень значимый компонент в структуре любого СОбр. В рамках последнего он всегда выступает (хотя и в разных формах) социорегулятивным органом, обеспечивающим возможность существования и развития любых типов партнерских отношений. Его функции напрямую связаны с задачами формирования, внедрения, укоренения и изменения правил СВ, обеспечивающих сохранение СОбр как специфических социальных целостностей, а также контроля за соблюдением этих правил участниками СВ в рамках этих СОбр.

15. Перечень СОбр достаточно широк. Типы СОбр различаются и по факторам, предопределившим их возникновение (территория проживания

и типы совместной деятельности), и по типу задач, под которые они возникли, и по их масштабу, и по сложности их структуры, и по разнообразию выполняемых функций, и по степени органичности их формирования, и по степени социальной и культурной однородности, и по стадии их социокультурного развития, и по степени охвата разных сфер социальной и т.д.

16. Начиная с Ф.Тённиса, ряд обществоведов (и не без оснований) сводят почти все разнообразие СОбр к двум укрупненным видам: *разнотипным социальным общностям* (СО) и *обществу* (Общ). К настоящему времени к первому типу СОбр относят социальные общности (семьи, территориальные общности, этнотерриториальные общности, целевые общности (организации) и т.п.); ко второму – общество (всегда обрамленное рамками государства) и межгосударственные образования (МГО).

17. Признаком СО является то, что это всегда локальные СОбр, привязанные к определенному типу социальных отношений. Они имеют не слишком сложную структуру, выполняют ограниченный перечень функций, всегда формируются на органической основе, социально и культурно достаточно однородны. В основе их развития лежит усвоение, использование и осмысление участниками взаимодействий опыта, накопленного в ходе СВ в рамках определенной реальности, т.е. культуры, что характеризует и то, что люди, начиная с определенного возраста, именно через СО практически одновременно могут включаться в разные сферы социальности. Хотя проблема поддержания СП и здесь является реальной, но проблема сохранения социальной целостности в рамках этих образований не стоит очень остро и не требует существования разветвленных органов СУСВ.

18. Другой тип СОбр – это тотальные СОбр (общества, обрамленные рамками государства) и глобальные СОбр (межгосударственные экономические и политические образования, союзы). Эти типы СОбр формируются на механической основе. Они строятся на основе тесного переплетения структур, функций, разных сфер социальности. Они отличаются большим размером, высокой сложностью, высокой социальной и культурной неоднородностью. В рамках таких СОбр проблема поддержания социальной целостности и обеспечение процессов социального развития – очень серьезная проблема, требующая от органов СУСВ (которые здесь очень мощны, разветвлены и представлены в виде государства или государств) постоянных и разнонаправленных социорегулятивных усилий.

19. В рамках типов СОбр, которые я определил как общества (Общ.), обеспечение социальной целостности достигается постоянными и многовекторными усилиями органа, именуемого государством. Что касается проблемы сохранения целостности в рамках тех СОбр, которые я определил как межгосударственные образования и союзы (МГО и МГС), здесь ситуация ещё сложнее. Она осложняется и сильными культурными различиями разных составных частей этих образований, и тем, что партнеры действуют в рамках государств, характеризующихся разным законодательством,

что делает непредсказуемой реакцию разных частей таких образований в случае разрушения соглашений.

20. Поддержание СП и сохранение целостности в таких СОбр, уже в силу их сложности и социокультурной неоднородности, может обеспечиваться только на основе конвенциональных соглашений партнеров и поддерживаться с помощью тотального контроля за поведением участников взаимодействий. По факту, такие соглашения никогда не строятся на условиях равноправия и равенства партнеров. При заключении таковых всегда учитывается та степень зависимости (технологической, экономической, политической, военной и др.), в которой одни участники соглашения находятся от других.

21. Хотя есть основания рассматривать процессы СИ как итог совокупности осмысленных и преследующих определенные цели проектов решений (хотя и разноориентированных, не скоординированных, не синхронных), опыт показывает, что расхождение итогов СИ с исходными целевыми ориентирами (особенно в тех типах СОбр, которые я определил как тотальные и глобальные) весьма существенно, а степень расхождения между целевыми ориентирами и итогами изменений тем выше, чем выше масштаб и темпы СИ.

22. СИ, протекающие в разнотипных СОбр: а) возникают из множества разнотипных и многоуровневых решений, принимаемых разными людьми, в разное время и по разным поводам; б) зачастую являются итогом неожиданной реакции тех, на кого они направлены; в) будучи социальными инновациями, всегда (в той или иной степени) порождают непредсказуемость и неопределенность; а их итоги г) часто бывают неожиданными и неприятными для тех, кто их инициировал; д) слабо вписаны в культуру этих образований; е) практически всегда плохо связаны с исходными целевыми ориентирами тех, кто их инициировал.

23. Поскольку причины СИ могут быть разными, а их итоги практически всегда (хотя и в разной степени) расходятся с исходно заданными целевыми ориентирами, *в качестве критерия позитивности СИ*, на мой взгляд, нужно взять то, повышают ли они, по факту, жизнеспособность СОбр. Тогда в качестве *позитивных социальных изменений (ПСИ)* следует рассматривать только те изменения, итогом которых является повышение жизнеспособности СОбр, а под *социальным развитием (СР)* понимать процесс поэтапных ПСИ, общим итогом которого является наращивание жизнеспособности данного СОбр в агрессивном социальном окружении. СР как естественный процесс – это достаточно длительный процесс, который связан с реализацией множества несоординированных и несинхронизированных проектов СИ, общим итогом которого является повышение способности СОбр к выживанию.

Рассматривая процессы СР в этом ключе, я опираюсь на работы ученых, работавших в поле организационных изменений и социальной инноватики [9; 10; 11, 102-104; 19; 24; 37]. Эти представители социологии орга-

низаций очень хорошо и подробно описали процесс ПСИ и процессы СР в привязке к целевым общностям (организациям), причем как в естественной, так и в осознанно направляемой версии СИ.

24. Механизмы, обеспечивающие процессы СР в естественной версии СИ, всегда связаны с процессами избирательного обмена социокультурными образцами деятельности и отношений между СОбр, и его целевым окружением (другими СОбр, с которыми оно находится в отношениях конкуренции или сотрудничества). Дело в том, что: а) именно социальное окружение СОбр (а по факту – более крупные СОбр) обычно побуждает данное СОбр к СИ; б) в социокультурном же плане процесс СР практически всегда является продуктом обмена, адаптации и избирательного освоения СОбр части тех эффективных образцов поведения и деятельности, которые в большинстве своем созданы за пределами СОбр. Проблема же состоит во вписании их в культуру, а оно всегда осуществляется в логике естественного отбора и селекции [2; 18; 25; 33; 45; 46; 47; 57; 59; 65; 66; 60; 61; 62; 63].

25. Важно отметить и то, что сегодня существует и вторая версия СР, которую я определяю как осознанно инициированные и направляемые социальные изменения (ОИиНСИ). В отличие от трактовки СР в естественной логике, здесь развитие связывается с реализацией скоординированных, синхронизированных и достаточно краткосрочных проектов, где целевые ориентиры заданы изначально, и их выбор служит основанием для того, чтобы считать заданные СИ позитивными. Эта модель СР достаточно популярна у политиков и управленцев. Такие изменения относительно краткосрочны, часто масштабны, всегда предполагают задание исходных целевых ориентиров и обычно ориентируют на пересмотр (иногда радикальный) правил, на основе которых строятся взаимодействия. В рамках этой логики с повестки дня снимается проблема естественного отбора и адаптации социокультурных образцов, созданных в социальном окружении, и их вписания в культуру СОбр, что порождает ряд конфликтов внутри СОбр.

26. Одной из серьезных проблем использования этой версии СР является то, что практическая реализация таких изменений есть по сути попытка внедрения в систему социальных инноваций, что всегда порождает высокий уровень неопределенности и непредсказуемости. Особенно острые проблемы возникают в тех сложных по строению, социокультурно неоднородных СОбр, которые я определил как тотальные и глобальные: социальная и культурная неоднородность этих образований порождает цепную реакцию непредсказуемых последствий, угрожающих распадом этих СОбр и разрушающих партнерские отношения.

27. В свете сказанного видно, что обозначенная выше задача определения допустимых границ и масштаба социальных изменений (СИ) не может быть решена вне привязки к специфике разнотипных и разномасштабных социальных образований (СОбр), в которых эти изменения протекают. Хотя

проблема поддержания социальной целостности и изменения СП в СОбр является значимой и реальной для всех видов СОбр, объем этих усилий и их проблематичность напрямую связаны со сложностью СОбр, их социальной и культурной неоднородностью. Иначе говоря, объем социорегулятивных усилий (в т.ч. связанных с изменением СП), которые требуются от тех, на кого возложено решение этой задачи в двух выделенных выше типах СОбр – социальных общностях и обществе, – а также размер и сложность органов, на которые возлагается функция поддержания СП в этих СОбр, существенно различаются.

В больших, сложных по структуре и функциям, социально неоднородных образованиях типа общества решение этих задач гораздо затратнее и сложнее, чем в разнотипных социальных общностях. Другими словами, в таких СОбр, т.е. обществах, обрамленных рамками государства, и межгосударственных образованиях, оно требует гораздо более существенных, постоянных и многовекторных социорегулятивных усилий со стороны тех, кто отвечает за сохранение их целостности. Важно и то, что по мере усложнения СОбр степень расхождения между исходными целевыми ориентирами и итогами СИ, т.е. фактическими последствиями социорегулятивных усилий, увеличивается.

28. Процессы поддержания и изменения необходимого уровня СП на уровне общества в сочетании с осторожными локальными изменениями – достаточно сложная проблема, которая требует от органов СУСВ серьезных усилий и предполагает создание многофункциональных и многовекторных систем, обеспечивающих формирование, поддержание и изменение СП (каковым является государство). В рамках межгосударственных СОбр, где социокультурные различия еще выше, а законодательство участников партнерских отношений (т.е. в разных странах) существенно различается, эта задача ещё сложнее и проблематичнее.

29. Хотя, как уже говорилось, любые СИ создают определенные риски в любых типах СОбр, особенно опасны они в тех типах СОбр, который я выше обозначил как тотальные и глобальные. В таких образованиях масштабные, достаточно радикальные и краткосрочные проекты СИ, инициированные политиками и управленцами, будучи инновационными проектами, практически всегда игнорируют длительные процедуры отбора и вписания нововведений в национальную и деловую культуру страны. В секторах таких СОбр, всегда различающихся уровнем СП и типом культуры, эти процессы разрушают установленный и с трудом поддерживаемый СП. Они запускают в этих секторах, а также во всём социальном окружении СОбр серию непредсказуемых реакций, порождаемых спровоцированной неопределенностью и непредсказуемостью поведения партнеров в новой ситуации.

30. Эта проблема усугубляется тем, что в осознанно инициированных проектах СИ, реализуемых в сложных по структуре СОбр, уже в силу их краткосрочности отсутствуют механизмы, которые в естественных моделях

СИ и СР обеспечиваются процедурами естественного отбора или селекции социокультурных образцов, необходимыми для вписания социальных инноваций в сложившуюся там культуру. Это ломает с трудом поддерживаемый в этих типах СОбр СП и порождает чудовищную неопределенность, которая ведет к деградации социальных отношений, а иногда и к разрушению этих социальных образований, порождая сходные проблемы и в их социальном окружении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аберкромби Х., Хилл С., Тернер Б.* Социология. Социология как наука // Социологический словарь. – Казань: Казанский университет, 1997. – С. 304-307.
2. *Адизес И.* Управление жизненным циклом корпорации. – СПб.: Питер, 2008. – 383 с.
3. *Александр Дж.* Об интеллектуальных истоках «сильной программы» // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 5-10.
4. *Александр Дж., Смит Ф.* Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 2. – С. 11-30.
5. *Бауман З.* Мыслить социологически. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 255 с.
6. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака. – М.: Библион, 2004. – 303 с.
7. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
8. *Вейк К.* Смыслопроизводство в организациях. – Харьков: Гуманитарный центр, 2015. – 318 с.
9. *Вейк К., Куинн Р.* Организационное изменение и развитие // Управленческие изменения. Хрестоматия. – СПб.: ВШМ, 2010. – С. 103-157.
10. *Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А.* Оценка эффективности инновационных проектов. Теория и практика. – М.: Дело, 2004. – 888 с.
11. *Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л., Салов С.С. и др.* Управление риском: риск, устойчивое развитие, синергетика. – М.: Наука, 2000. – 429 с.
12. *Гвишиани Д.М.* Организация и управление // Избранные труды по философии, социологии и системному анализу. – М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2007. – С. 9-291.
13. *Гидденс Э.* Устроение общества. Очерки теории структуризации. – М.: Академический проект, 2003. – 525 с.
14. *Димаджо П.Дж., Пауэлл У.У.* Еще раз о «железной клетке»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях // Теория организаций. Хрестоматия. – СПб.: ВШМ, 2010. – С. 335-366.
15. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 573 с.
16. *Кирдина С.Г.* Институциональные матрицы и развитие России. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН, 2001. – 397 с.
17. *Киссель М.А.* Философская эволюция Ж.П. Сартра. – Л.: Лениздат, 1976. – 239 с.
18. *Кэрролл Г.Р.* Концентрация и специализация: динамика ширины экологической ниши в популяциях организаций // Теория организации. Хрестоматия. – СПб.: ВШМ, 2010. – С. 460-486.
19. *Лапин Н.И.* Теория и практика инноватики. Учебное пособие. – М.: Логос, 2008. – 326 с.
20. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения в двух томах. – М.: ОГИЗ, 1949. – 516 с. + 874 с.
21. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. – М.: Хранитель, 2006. – 873 с.
22. *Мертон Р.* Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 379-448.
23. *Миронов Б.Н.* Российская модернизация и революция. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2019. – 527 с.
24. *Найт Ф.* Понятия риска и неопределенности // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 12-28.
25. *Олдрич Х., Пфеффер Дж.* Внешняя среда организаций // Теория организации. Хрестоматия. – СПб.: ВШМ, 2010. – С. 517-557.
26. *Орлова Э.А.* Социология культуры. – М.: Академический проект, 2012. – 572 с.
27. *Парето В.* Компендиум по общей социологии. – М.: ГУ-ВШЭ, 2007. – 511 с.
28. *Парсонс Т.* Общий обзор // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. – М.: Прогресс, 1972. – С. 360-378.
29. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 879 с.
30. *Парсонс Т.* О социальных системах. – М.: Академический проект, 2002. – 831 с.
31. *Пригожин А.И.* Методы развития организации. – М.: МЦФЭР, 2003. – 862 с.

32. Пригожин А.И. Нововведения. Стимулы и препятствия. – М.: Политиздат, 1989. – 269 с.
33. Пью Д.С., Хиксон Д.Дж. Исследователи об организациях. – Жуковский: МЦДО «ЛИНК», 1997. – 234 с.
34. Пфеффер Дж., Саланчик Дж. Социальный контроль над организациями // Теория организации. Хрестоматия. – СПб.: ВШМ, 2010. – С. 148-174.
35. Сорокин П. Революция и социология // Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – С. 220-294.
36. Сорокин П. Социальная и культурная динамика. – СПб.: РХГИ, 2000. – 1054 с.
37. Социальная организация промышленного предприятия: соотношение спроектированных и спонтанных процессов / Под ред. Н.И. Лапина. – М.: Академия, 2005. – 907 с.
38. Социальная философия Франкфуртской школы: Критические очерки. – М.: Мысль; Прага: Свобода, 1975. – 357 с.
39. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 386 с.
40. Теория культуры: разнообразие подходов и возможности их интеграции / Под ред. Ю.М. Резника. – М.: Научно-политическая книга, 2012. – 479 с.
41. Тернер Дж. Структура социологической теории. – М.: Прогресс, 1985. – 471 с.
42. Тощенко Ж.Т. Социология управления. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2011. – 299 с.
43. Тощенко Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией. – М.: Весь мир, 2020. – 345 с.
44. Фрейд З. «Я» и «Оно» // «Я» и «Оно». Труды разных лет. – Кн 1. – Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 351-392.
45. Фриман Дж., Кэрролл Г.Р., Ханнан М.Т. Уязвимость новизны: зависимость смертности организаций от возраста // Управленческие изменения. Хрестоматия. – СПб.: ВШМ, 2010. – С. 406-442.
46. Ханнан М.Т., Фриман Дж. Структурная инерция и организационные изменения // Управленческие изменения. Хрестоматия. – СПб.: ВШМ, 2010. – С. 2-37.
47. Ханнан М.Т., Фриман Дж. Экология организационных популяций // Теория организации. Хрестоматия. – СПб.: ВШМ, 2010. – С. 416-459.
48. Холл Р.Х. Организации: Структуры. Процессы. Результаты. – СПб.: Питер, 2001. – 509 с.
49. Шендрик А.И. Социология культуры. – М.: Юнити, 2005. – 495 с.
50. Шкаратан О.И. Промышленное предприятие. – М.: Мысль, 1978. – 254 с.
51. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М.: Логос, 2005. – 664 с.
52. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-пресс, 1996. – 415 с.
53. Шубрт И. Исторические процессы, социальные изменения, модернизация с точки зрения социологии. – М.: РУДН, 2017. – 245 с.
54. Щербина В.В. Изменение характеристик социологии как науки (причины, итоги, перспективы) // Социологические исследования. – 2019. – № 11. – С. 29-39.
55. Щербина В.В. Новая революция – старый опыт // Социологические исследования. – 1991. – № 6. – С. 38-48.
56. Щербина В.В. Обосновано ли существование социологии управления как специальной социолого-регулятивной теории // Социологические исследования. – 2021. – № 3. – С. 57-65.
57. Щербина В.В. Популяционно-селекционная модель организационного развития: содержание, сфера и перспективы применения // Социологические исследования. – 2015. – № 6. – С. 78-85; № 8. – С. 100-107.
58. Щербина В.В. Репетиция оркестра // Московский комсомолец. – 19.09.1989.
59. Щербина В.В. Что такое организационная экология? // Социологические исследования. – 1993. – № 2. – С. 99-107.
60. Щербина В.В., Попова Е.П. Гибкость и консерватизм организации в условиях рынка. Проблемы структурной инерции // LUCA (Beograd). – 1995. – № 16. – С. 174-181.
61. Щербина В.В., Попова Е.П. Организационное развитие. Теория и практика. – М.: ШИ-иМБ, 2011. – 293 с.
62. Щербина В.В., Попова Е.П. Современные концепции структурных изменений в организациях // Социологические исследования. – 1996. – № 1. – С. 98-109.
63. Щербина В.В., Попова Е.П. Социальные изменения и проблемы развития в специальных организационных теориях // Социологические исследования. – 2017. – № 10. – С. 77-86.
64. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – М.: Наука, 1987. – 248 с.

65. Glassman A.M., Cummings T.G. *Cases in Organizational Development*. – Boston: Irwin, 1991. – 539 p.
66. Hannan M.T., Freeman J. *Organizational Ecology*. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. – 365 p.

BIBLIOGRAPHY

1. Aberkrombi Kh., Khill S., Terner B. Sotsiologiya. Sotsiologiya kak nauka // Sotsiologicheskii slovar. – Kazan: Kazanskiy universitet, 1997. – S. 304-307.
2. Adizes I. Upravlenie zhiznennym tsiklom korporatsii. – SPb.: Piter, 2008. – 383 s.
3. Aleksander Dzh. Ob intellektualnykh istokakh «silnoy programmy» // Sotsiologicheskoe obozrenie. – 2010. – T. 9. – № 2. – S. 5-10.
4. Aleksander Dzh., Smit F. Silnaya programma v kultursotsiologii // Sotsiologicheskoe obozrenie. – 2010. – T. 9. – № 2. – S. 11-30.
5. Bauman Z. Myslit sotsiologicheski. – M.: Aspekt-press, 1996. – 255 s.
6. Bodriyyar Zh. K kritike politicheskoy ekonomii znaka. – M.: Biblion, 2004. – 303 s.
7. Veber M. Izbrannyye proizvedeniya. – M.: Progress, 1990. – 808 s.
8. Veyk K. Smysloproizvodstvo v organizatsiyakh. – Kharkov: Gumanitarnyy tsentr, 2015. – 318 s.
9. Veyk K., Kuinn R. Organizatsionnoe izmenenie i razvitie // Upravlencheskie izmeneniya. KHrestomatiya. – SPb.: VshM, 2010. – S. 103-157.
10. Vilenskiy P.L., Livshits V.N., Smolyak S.A. Otsenka effektivnosti innovatsionnykh proektov. Teoriya i praktika. – M.: Delo, 2004. – 888 s.
11. Vladimirov V.A., Vorobev Yu.L., Salov S.S. i dr. Upravlenie riskom: risk, ustoychivoe razvitie, sinergetika. – M.: Nauka, 2000. – 429 s.
12. Gvishiani D.M. Organizatsiya i upravlenie // Izbrannyye trudy po filosofii, sotsiologii i sistemnomu analizu. – M.: «Kanon +», ROOI «Reabilitatsiya», 2007. – S. 9-291.
13. Giddens E. Ustroenie obshchestva. Ocherki teorii strukturasii. – M.: Akademicheskii proekt, 2003. – 525 s.
14. Dimadzhio P.Dzh., Pauell U.U. Eshche raz o «zheleznoy kletke»: insitutsionalnyy izomorfizm i kollektivnaya ratsionalnost v organizatsionnykh polyakh // Teoriya organizatsiy. KHrestomatiya. – SPb.: VshM, 2010. – S. 335-366.
15. Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. – M.: Nauka, 1991. – 573 s.
16. Kirdina S.G. Institutsonalnye matritsy i razvitie Rossii. – Novosibirsk: IEiOPP SO AN, 2001. – 397 s.
17. Kissel M.A. Filosofskaya evolyutsiya Zh.P. Sartra. – L.: Lenizdat, 1976. – 239 s.
18. Kerroll G.R. Kontsentratsiya i spetsializatsiya: dinamika shiriny ekologicheskoy nishi v populyatsiyakh organizatsiy // Teoriya organizatsii. Khrestomatiya. – SPb.: VSHM, 2010. – S. 460-486.
19. Lapin N.I. Teoriya i praktika innovaniki. Uchebnoe posobie. – M.: Logos, 2008. – 326 s.
20. Marks K., Engels F. Izbrannyye proizvedeniya v dvukh tomakh. – M.: OGIZ, 1949. – 516 s. + 874 s.
21. Merton R. Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura. – M.: Khranitel, 2006. – 873 s.
22. Merton R. Yavnye i latentnye funktsii // Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl. – M.: Izd-vo MGU, 1994. – S. 379-448.
23. Mironov B.N. Rossiyskaya modernizatsiya i revolyutsiya. – SPb.: Dmitriy Bulanin, 2019. – 527 s.
24. Nayt F. Ponyatiya riska i neopredelennosti // THESIS. – 1994. – Vyp. 5. – S. 12-28.
25. Oldrich Kh., Pfeffer Dzh. Vneshnyaya sreda organizatsiy // Teoriya organizatsii. Khrestomatiya. – SPb.: VshM, 2010. – S. 517-557.
26. Orlova E.A. Sotsiologiya kultury. – M.: Akademicheskii proekt, 2012. – 572 s.
27. Pareto V. Kompendium po obshchey sotsiologii. – M.: GU-VshE, 2007. – 511 s.
28. Parsons T. Obshchiy obzor // Amerikanskaya sotsiologiya: Perspektivy. Problemy. Metody. – M.: Progress, 1972. – S. 360-378.
29. Parsons T. O strukture sotsialnogo deystviya. – M.: Akademicheskii proekt, 2000. – 879 s.
30. Parsons T. O sotsialnykh sistemakh. – M.: Akademicheskii proekt, 2002. – 831 s.
31. Prigozhin A.I. Metody razvitiya organizatsii. – M.: MTSFER, 2003. – 862 s.
32. Prigozhin A.I. Novovvedeniya. Stimuly i prepyatstviya. – M.: Politizdat, 1989. – 269 s.
33. Pyu D.S., Khikson D.Dzh. Issledovateli ob organizatsiyakh. – Zhukovskiy: MTSDO «LINK», 1997. – 234 s.
34. Pfeffer Dzh., Salanchik Dzh. Sotsialnyy kontrol nad organizatsiyami // Teoriya organizatsii. KHrestomatiya. – SPb.: VshM, 2010. – S. 148-174.
35. Sorokin P. Revolyutsiya i sotsiologiya // Chelovek. TSivilizatsiya. Obshchestvo. – M.: Politizdat, 1992. – S. 220-294.

36. Sorokin P. Sotsialnaya i kulturnaya dinamika. – SPb.: RkhGI, 2000. – 1054 s.
37. Sotsialnaya organizatsiya promyshlennogo predpriyatiya: sootnoshenie sproektirovannykh i spontannykh protsessov / Pod red. N.I. Lapina. – M.: Akademiya, 2005. – 907 s.
38. Sotsialnaya filosofiya Frankfurtskoy shkoly: Kriticheskie ocherki. – M.: Mysl; Praga: Svoboda, 1975. – 357 s.
39. Tennis F. Obshchnost i obshchestvo. Osnovnye ponyatiya chistoy sotsiologii. – SPb.: Vladimir Dal, 2002. – 386 s.
40. Teoriya kultury / Pod red. Yu.M. Reznika. – M.: Nauchno-politicheskaya kniga, 2012. – 479 s.
41. Terner Dzh. Struktura sotsiologicheskoy teorii. – M.: Progress, 1985. – 471 s.
42. Toshchenko Zh.T. Sotsiologiya upravleniya. – M.: Tsentr sotsialnogo prognozirovaniya i marketinga, 2011. – 299 s.
43. Toshchenko Zh.T. Obshchestvo travmy: mezhdru evolyutsiy i revolyutsiy. – M.: Ves mir, 2020. – 345 s.
44. Freyd Z. «Ya» i «Ono» // «Ya» i «Ono». Trudy raznykh let. – Kn 1. – Tbilisi: Merani, 1991. – S. 351-392.
45. Friman Dzh., Kerroll G.R., Khannan M.T. Uyazvimost novizny: zavisimost smertnosti organizatsiy ot vozrasta // Upravlencheskie izmeneniya. Khrestomatiya. – SPb.: VSHM, 2010. – S. 406-442.
46. Khannan M.T., Friman Dzh. Strukturnaya inertsiya i organizatsionnye izmeneniya // Upravlencheskie izmeneniya. Khrestomatiya. – SPb.: VSHM, 2010. – S. 2-37.
47. Khannan M.T., Friman Dzh. Ekologiya organizatsionnykh populyatsiy // Teoriya organizatsii. KHrestomatiya. – SPb.: VshM, 2010. – S. 416-459.
48. Khol R.Kh. Organizatsii: Struktury.Protsessy. Rezulyaty. – SPb.: Piter, 2001. – 509 s.
49. Shendrik A.I. Sotsiologiya kultury. – M.: Yuniti, 2005. – 495 s.
50. Shkaratan O.I. Promyshlennoe predpriyatie. – M.: Mysl, 1978. – 254 s.
51. Shtompka P. Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva. – M.: Logos, 2005. – 664 s.
52. Shtompka P. Sotsiologiya sotsialnykh izmeneniy. – M.: Aspekt-press, 1996. – 415 s.
53. Shubrt I. Istoricheskie protsessy, sotsialnye izmeneniya, modernizatsiya s tochki zreniya sotsiologii. – M.: RUDN, 2017. – 245 s.
54. Shcherbina V.V. Izmenenie kharakteristik sotsiologii kak nauki (prichiny, itogi, perspektivy) // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2019. – № 11. – S. 29-39.
55. Shcherbina V.V. Novaya revolyutsiya – staryy opyt // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1991. – № 6. – S. 38-48.
56. Shcherbina V.V. Obosnovano li sushchestvovanie sotsiologii upravleniya kak spetsialnoy sotsiologo-regulyativnoy teorii // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2021. – № 3. – S. 57-65.
57. Shcherbina V.V. Populyatsionno-seleksionnaya model organizatsionnogo razvitiya: sodержanie, sfera i perspektivy primeneniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2015. – № 6. – S. 78-85; № 8. – S. 100-107.
58. Shcherbina V.V. Repetitsiya orkestra // Moskovskiy komsomolets. – 19.09.1989.
59. Shcherbina V.V. CHto takoe organizatsionnaya ekologiya? // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1993. – № 2. – S. 99-107.
60. Shcherbina V.V., Popova E.P. Gibkost i konservatizm organizatsii v usloviyakh rynka. Problemy strukturnoy inertsii // LUCA (Beograd). – 1995. – № 16. – S. 174-181.
61. Shcherbina V.V., Popova E.P. Organizatsionnoe razvitie. Teoriya i praktika. – M.: SHiMB, 2011. – 293 s.
62. Shcherbina V.V., Popova E.P. Sovremennye kontseptsii strukturnykh izmeneniy v organizatsiyakh // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 1996. – № 1. – S. 98-109.
63. Shcherbina V.V., Popova E.P. Sotsialnye izmeneniya i problemy razvitiya v spetsialnykh organizatsionnykh teoriyakh // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2017. – № 10. – S. 77-86.
64. Yadov V.A. Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody. – M.: Nauka, 1987. – 248 s.
65. Glassman A.M., Cummings T.G. Cases in Organizational Development. – Boston: Irwin, 1991. – 539 p.
66. Hannan M.T., Freeman J. Organizational Ecology. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1989. – 365 p.

Поступила в редакцию 12.08.2022 (№ 2507)